

УДК 130.2

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-81-93

А. В. Иванов, С. М. Журавлева

*Алтайский государственный аграрный университет
пр. Красноармейский, 98, Барнаул, 656049, Россия*

philosophyasau@mail.ru

ИСКУШЕНИЕ НОВИЗНОЙ

Статья посвящена анализу феномена прогрессизма, который существует как на уровне массового сознания, так и в форме идей и даже целых идеологий, обнаруживая ряд характерных черт: вера в необратимость и безальтернативность научно-технического прогресса; забвение традиции; примат мнения над обоснованием, новизны и оригинальности над стремлением к истине; вычурность языка. Обосновывается наличие альтернативной прогрессизму парадигмы, которую можно назвать «новым эволюционизмом». Приводятся аргументы, что «новый эволюционизм» – это не просто совокупность достаточно хорошо обоснованных идей, но частично верифицированная общественная и личная практика.

Ключевые слова: прогрессизм, научно-технический прогресс, постчеловек, трансгуманизм, эволюционный потенциал природы и человека, «новый эволюционизм».

Введение

Испокон веков в политике, общественной жизни, науке и культуре ведут спор традиция и новация, желание обновления и склонность к сохранению старого. Известны диалектические отношения между ними: чем радикальнее утверждалось новое и разрушалось старое, тем более радикальными впоследствии будут попытки вернуться к незаслуженно отвергнутому. И наоборот: чем дольше и агрессивнее пытаются сохранить то, что подлежит замене, тем более революционно-радикальный характер будут носить грядущие преобразования. Отсюда возникают разрушительные крайности, которых следует избегать и в политической, и в культурной жизни: это *революционный радикализм* и являющееся его оборотной стороной *реакционное охранительство*. Им свойственно переходить в свою противоположность,

что очень точно в свое время подметил С. Л. Франк: «Консерватизм, ставший реакцией, стремлением сохранить не жизнь, а безжизненные окостеневшие формы, по самому своему существу разрушителен; радикализм, ставший бунтарством, революцией, по самому существу своему реакционен, ибо, разрушая, не ведет жизнь вперед, а через ее ослабление отталкивает ее назад, на низший уровень» [1992. С. 127].

Эти вещи, казалось бы, давно и хорошо известны, однако человечество вновь и вновь наступает на те же грабли, сегодня искушаясь одной крайностью, чтобы завтра впасть в прямо противоположную. Более того, в условиях глобализованного мира мы сталкиваемся с новым феноменом, когда *почти синхронно* какая-нибудь одна часть человечества впадает в соблазн радикального культурного обновления, как, например, либерально-постмодернистские Европа и США, а вторая, напротив, занимает агрессивную охранительную позицию, как в ряде стран исламского мира. Соответственно, каждое усиление проповеди однополых браков и атеистической вседозволенности множит ряды сторонников исламского фундаментализма и наоборот.

Однако именно от западного мира исходит *общейдеологический импульс прогрессизма*, заслуживающий отдельного разговора. Он тем более необходим, что и Россия, казалось бы, счастливо до сей поры избегающая как консервативно-религиозных, так и либерально-постмодернистских крайностей, поддалась этому искусству перманентных и часто совершенно иррациональных инноваций.

Прогрессизм как болезнь современного гуманитарного знания

У прогрессизма есть реальная онтологическая основа – все возрастающие темпы научно-технического прогресса, особенно в области био-, нано- и информационных технологий, радикально изменившие быт и труд человека буквально за жизнь одного поколения. Этот очевидный прогресс, особенно если не анализировать его системно и не утруждать себя моральной рефлексией, вызывает к жизни стихийное мироощущение, а также ряд рационально сформулированных идей и даже целых доктрин, которые в совокупности образуют то, что может быть названо *идеологией прогрессизма*.

Начнем с *прогрессистского мироощущения*, которое свойственно обыденному сознанию и в формировании которого значительный вклад вносят средства массовой коммуникации, особенно Интернет. Его главный лозунг – «жить в ногу со временем». Быть «несовремен-

ным» – не только неприлично, но и чревато потерей социального статуса, который все чаще оценивают по одежде, машине, местам отдыха, марке сотового телефона и т. д. Отсюда – бесконечная погоня за новыми вещами, уровнем комфорта, развлечениями и просто «свежими» впечатлениями, что К. Лоренц удачно назвал «бегом наперегонки с самим собой» [1998. С. 16].

Эта прогрессистская установка получает и вполне рациональную формулировку: *то, что появилось позже, – является и более качественным, и более достоверным, и более актуальным*. Свое интеллектуальное развитие она находит в современном гуманитарном знании, превращаясь в подлинную болезнь гуманитарных наук, особенно недавно возникших, типа теории журналистики или коммуникативистики. Каковы же основные признаки этой болезни?

Во-первых, забвение авторитета традиции. Господствует мнение, что интеллектуальные традиции, особенно восходящие к Платону и к религиозным воззрениям, лишены теоретического значения и представляют сегодня разве что архивный интерес. В отличие от естественно-научных школ, нацеленных на апробацию новых идей в русле научной традиции с ее понятным и общепринятым языком, более или менее устоявшимися методами, проблемами и теориями, авторитетными классиками и современниками, современные гуманитарные концепции все чаще опираются на принцип релятивизма и утверждают себя в противовес традиции: либо борются с ней, либо о ней попросту умалчивают.

Во-вторых, если знание исторически бесосновно и релятивно в плане истины, то происходит упадок культуры аргументации, преобладание изречения тезисов над их обоснованием, мнения над знанием. Но где нет установки на поиск истины и на ее обоснование, там неизбежно возникает культ «новизны» и «оригинальности».

В-третьих, в погоне за новизной и оригинальностью неизбежен идейный и методологический плюрализм, утверждаемый как ценность. Но разве может претендовать на научный статус знание, в котором нет профессионального единства и преемственности даже на уровне базовых понятий?

В-четвертых, претензия на новизну параллельно с отсутствием направленности на общезначимое обоснование провоцирует искусственность и вычурность языка. Язык из средства облечения мысли в плоть четко определенных понятий и обоснованных суждений превращается в способ самовыражения и отличия «своих» от «чужих», провоцируя сектантское дробление гуманитарного знания. В современных «дискурсах», «концептах», «трендах», «фейках», «контентах»

и «нарративах» мысль теряется в дебрях языковых конструкций. Любопытно, что подобные заумные тексты, часто плохо понимаемые даже самими авторами, обречены на скорое забвение уже ближайшими гуманитариями, которые будут создавать свой собственный прецензиозный «новояз».

В-пятых, отечественный «новояз» оказывается, в сущности, и не оригинальным, и не новым, поскольку заимствуется преимущественно из западных гуманитарных текстов, где «одержание» новизной и оригинальностью проявилось раньше, чем в России. Особенно в этом преуспел постмодерн с его «ризомами», «симулякрами» и «деконструкциями». Российское гуманитарное сознание оказалось буквально магически зачаровано подобными латинизмами, что пагубно сказывается на подлинной новизне и качестве текстов.

Прогрессизм в естественных науках и технике. Трансгуманизм

Однако культ новизны свойствен не только гуманитариям, но и представителям естественных и технических наук. Это связано с другой ключевой идеей прогрессизма: *нынешняя линия научно-технического прогресса объективна, безальтернативна и сопротивляться ей невозможно*. Она оборачивается научно-технологическим фатализмом, когда *настоящее принимается за необходимое, а следовательно, и оправдывается*.

Здесь, вопреки всем разговорам о неклассической рациональности, явственно слышатся отголоски старой гегелевской идеи, что «все действительное разумно, а все разумное действительно», а также марксизма в виде гипотетических «объективных законов общественного развития». Существование таких гипотетических законов давно вызывало глубокие сомнения, ибо общественная жизнь, во-первых, принципиально необратима, во-вторых, в ней действуют люди, наделенные свободной волей. Поэтому существует веер возможных сценариев развития. Эти сценарии могут быть более и менее вероятными, более и менее созидательными, но выбор есть всегда, и его совершают живые люди.

Может возникнуть сомнение: но ведь и биологическая эволюция необратима – значит ли это, что нет и неизменных биологических законов, о которых речь в статье пойдет ниже? Здесь надо отметить, что в биологических системах, в отличие от социальных, первостепенную роль играют как раз циклические, воспроизводящиеся процессы. Так, законы реализации генетической информации одинаковы

и неизменны на всех уровнях живого, а деревья сбрасывают листву перед холодами в северных широтах точно так же, как делали это десятки и сотни тысяч лет назад. В личном и общественном бытии мы вынуждены считаться с действием этих объективных биологических законов, типа законов человеческой физиологии или законов созревания пшеницы, но их познание и использование – часть общественной жизни, где действует свободный человек.

Исторический фатализм был подвергнут убедительной критике в работе П. А. Сорокина «Историческая необходимость». Он писал: «Каждый закон, в подлинном смысле этого слова, предполагает повторение; история не знает повторений, поэтому говорить о законе истории – значит не понимать закона» [1992б. С. 518]. И далее: «... Наше будущее создаем мы. И чем активнее будет каждая личность, чем выше будут ее идеалы, тем быстрее мы будем приближаться к Правде и прекрасней будет Правда человеческая» [Там же. С. 521]. Вопреки историческому активизму и этическому перфекционизму, звучащим в этих словах П. А. Сорокина, позиция оправдания настоящего так называемыми «объективными законами развития» всегда в конечном счете соседствует, с одной стороны, с оправданием человеческой пассивности, а с другой – с готовностью поддержать любые морально сомнительные эксперименты и технологии.

Подтверждением этого служит еще одна важная идея прогрессизма: *благодаря научно-техническому прогрессу человек уже обрел (или очень скоро обретет) абсолютную власть над пространством и временем, над природной средой, а также и над своим телом и сознанием.* В наиболее зримой форме эта идеология воплощается в трансгуманизме.

Хотя основные идейные положения трансгуманизма не новы (страх смерти и мечта о бессмертном постчеловеке, моральная допустимость любых научных экспериментов над жизнью)¹, все же в нем проявляются новые черты, отражающие специфику времени. В частности, отстаивается идея о возможности превращения человека в механического киборга или же в биологического мутанта с помощью нанотехнологий и геной инженерии. Как справедливо пишет И. В. Кузина-Анащенко, здесь «человек является биологическим материалом, из которого с помощью НБИК-технологий² можно и нужно *конструировать бесконечное количество моделей организмов...* Человечество за историю своего существования сменило не-

¹ Их можно встретить уже в трудах Н. Ф. Федорова и его учеников.

² Нано-био-информационно-компьютерных технологий.

сколько философских парадигм – космоцентризм, теоцентризм, антропоцентризм. Все эти парадигмы так или иначе шли от человека, который был либо частью космоса, либо образом и подобием Божиим, либо сутью мира. Впервые за историю человечества его история строится исходя из наукоцентричной парадигмы, которая предполагает возможность существования мира, где человеку места не предусмотрено»³. Как тут не вспомнить работу К. С. Льюиса, написанную еще в первой половине XX в. и пророчески названную «Человек отменяется» [1993].

В основе трансгуманизма лежит все то же прогрессистское убеждение, что современная линия научно-технического прогресса безальтернативна, а человек, к сожалению, является телесным и смертным существом, которому надо «помочь» эволюционировать в сторону бессмертного существа. А если этого сделать не получится, – необходимо согласиться на его замену более совершенным, постчеловеческим существом.

Трансгуманистическая доктрина вызывает целый ряд серьезных возражений. Во-первых, здесь налицо возврат редуционизма и механицизма, которые давно изжиты в науке в целом. Множество научных данных свидетельствует в пользу принципа *холизма* при рассмотрении не только органических, но даже неорганических систем. По отношению же к человеку это означает невозможность механической «перетасовки» или замены элементов его организма, в том числе генома. Как показывает биоинженерная практика, чем выше эволюционный уровень организма, тем более неудачными и чреватými побочными эффектами оказываются попытки его механического «улучшения». Так, любой сложный и длительный онтогенез, – это всегда масса тонких геномных и морфогенетических корреляций, которые практически невозможно не нарушить. Правы многие ученые, считающие, что прежде чем успешно созидать новую жизнь, нужно сначала познать фундаментальные законы существования живого и его отдельных систем, от чего мы пока бесконечно далеки. Во-вторых, еще большие проблемы у «трансгуманизма» возникают с сознанием: его природой, механизмами функционирования, связями с мозгом. Все эмпирические факты говорят, что деятельность сознания принципиально не сводима к деятельности мозга, как музыка не сводима к устройству и звучанию музыкальных инструментов. В сознании

³ Кузина-Анащенко И. В. Трансгуманизм как «бесчеловечная» философия. URL: https://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=11675&Itemid=39

есть свой идеальный порядок и своя «сверхфизиологическая» логика функционирования и развития. Еще больше проблем связано с пониманием личности, ее психологических и моральных качеств, свободой воли и т. д. Все это говорит о бесперспективности сведения феномена сознания не только к работе мозга, но и к абстрактному набору программ и информационных блоков, не говоря уж об абсолютной утопичности попыток механического переноса сознания на нечеловеческие материальные носители. В-третьих, встают острые социальные и этические вопросы, связанные с идейной подоплекой и практикой трансгуманизма. Официально его целью объявляется «освобождение от господства природы» и достижение неограниченной власти человека над ее законами, «рост возможностей». Однако «освободиться» от законов природы невозможно в принципе, тем более от тех, которых не знаешь; но если бы такое «освобождение» и было возможным, то оно стало бы доступным лишь элите. Что же касается масс, то новые технологии скорее всего использовались бы для превращения людей в управляемых биороботов. В-четвертых, трансгуманизм совершенно не учитывает возможности перехода человечества к совсем другой эволюционной стратегии, которую можно условно назвать «новым эволюционизмом».

«Новый эволюционизм» как линия на проявление скрытого потенциала природы и человека

Вопреки прогрессистской идеологии существует иной взгляд на развитие. Его анализ требует отдельного обстоятельного разговора, поэтому выделим лишь ключевые идеи и ценности без детального обоснования.

Во-первых, есть вечные и объективные ценности, которые позволяют во все времена и у всех народов пребывать со старой истиной и не становиться жертвой новой глупости. Например, целостное поступательное развитие мы видим в тех сообществах, где ставились правовые и нравственные границы насилию, осознавались ценности мира между людьми и народами, защищалась семья и здоровая окружающая природная среда, поощрялось развитие науки и культуры, царило межрелигиозное согласие. Такие эпохи в истории человечества были редкими и краткими, но и спустя столетия они задавали эталон созидательного общественного развития. Таково правление Перикла в Греции, царя Ашоки в Индии, династии Тан в Китае [Иванов и др., 2006]. Соответственно, один из критериев ложности идеологии прогрессизма – попытка релятивистского отказа от вечных

ценностей с разговорами о «новой морали», «новом человеке», «новом обществе» и т. д.

Может возникнуть вопрос: а как совместить тезис о вечных и неизменных ценностях человеческого бытия с ранее высказанным тезисом о том, что «история не знает повторений»? Тут надо четко различать необратимость общественных и жизненных перемен, когда в одну и ту же реку, действительно, нельзя войти дважды; и сферу идеальных ценностных установок и представлений, которые могут носить сверхвременный характер, как сверхвременны, например, христианские ценности, выраженные в Нагорной проповеди Христа. Эта сверхвременность объективных ценностей вовсе не исключает, во-первых, того, что они кем-то *могут не разделяться и не приниматься*; во-вторых, возможности их *различной* интерпретации, и, в-третьих, *многообразного* практического применения в зависимости от исторического или экзистенциального контекстов. Сила объективных и вечных ценностей в отличие от ценностей сугубо временных и относительных как раз и состоит в возможности их многообразного и творческого *созидательного* применения в каждый раз неповторимой исторической ситуации.

Что касается отрицания существования вечных и абсолютных ценностей, то само суждение «объективные и вечные ценности не существуют» противоречиво, ибо претендует на абсолютную и объективную ценность.

Во-вторых, чтобы уверенно и безопасно двигаться вперед, нужно периодически оборачиваться назад и извлекать из прошлого творческие уроки. Известно, насколько успешно сегодня осваиваются медицинские и психологические достижения индийской йоги, тибетской диагностики и гомеопатии, китайской акупунктуры. Эксперименты в аграрных науках подтвердили, что оптимальную всхожесть семян обеспечивает их разбрасывание рукой опытного сеятеля. Это позволило в Дании создать эффективную сеялку, моделирующую движения человеческой руки. Подтверждается также непосредственное влияние мысли и рук человека на окружающий мир. Так, качество молока всегда выше в случае ручного, а не механического доения коровы. Одежда, сшитая или связанная человеческой рукой, комфортнее и долговечнее, чем изготовленная механическим способом. Подобных примеров можно привести десятки. Поэтому резонно говорить о феномене «возрождающей инновации», когда самым прогрессивным часто оказывается «хорошо забытое старое». А иногда и вовсе необходимо вернуться к пройденной дороге на развилке, если очевидно, что избранный путь ведет в пропасть. Это касается возврата

от «химического» и «генно-модифицированного» к так называемому «органическому» земледелию; от понимания медицины как лечения патологий – к ее древней трактовке как важнейшего средства поддержания баланса в организме, что во многом и является синонимом здоровья. Показательно, что и в образовании постепенно происходит отказ от бездумного использования технических средств в пользу проверенных веками педагогических методик «с человеческим лицом». Так, в Израиле вернулись к советским классическим учебникам по математике, а в Силиконовой долине в Калифорнии детям запретили в школе пользоваться сотовыми телефонами.

В-третьих, «новый эволюционизм» подразумевает не механическое и внешнее «переделывание» человека и природы, а творческое и органическое проявление их внутреннего скрытого потенциала. С. Н. Булгаков когда-то прозорливо писал в «Философии хозяйства»: «Защита и расширение жизни, а постольку и частичное ее воскрешение и составляет содержание хозяйственной деятельности человека» [1993. С. 170]. Действительно, человек, особенно в области сельского хозяйства, вплоть до самого последнего времени «расширял» жизнь через выведение новых сортов культурных растений и пород домашних животных путем тщательной селекции и скрещивания естественных видов, т. е. через *органическое* проявление их генетического эволюционного потенциала. Сегодня, например, становится понятной огромная роль выведенных национальных пород домашних животных и сортов культурных растений. Они обеспечивают генетическую и продовольственную безопасность государства, играют важную роль в производстве органических продуктов питания, служат базой для дальнейшей творческой селекционной работы [Столповский, 2007]. Человек также всегда «воскрешал» природу, борясь с опустыниванием и восстанавливая леса, улучшая плодородие почв и озеленяя городские ландшафты, возвращая к жизни биологические виды, которые без участия человека неминуемо бы погибли. Известно, что, лишившись влияния и контроля со стороны человека, начинают болеть заброшенные леса и деградировать пашни, стремительно дичать сады и зарастать бурьяном брошенные деревни. Ландшафты, где перестал творчески хозяйствовать человек, уже никогда не превратятся в очаги девственной природы, а вот статус ландшафтов культурных они неизбежно потеряют. Человек призван выполнять по отношению к природе роль мудрого попечителя и пастыря, а не деспота, обеспокоенного только собственным благополучием и комфортом.

Одним из практических примеров «нового эволюционизма» является развитие так называемой «зеленой экономики», основанной

на понимании, что никакое увеличение объемов производства товаров и услуг не может достигаться за счет здоровья людей и окружающей природной среды. Отсюда следуют такие черты «зеленой экономики», как максимальная экологизация производства и быта, развитие нетрадиционной энергетики, переход к так называемым биоцентричным (или природосообразным) технологиям, опирающимся на действие объективных биологических законов. Социальные аспекты перехода к «зеленой экономике» также показательны и являются отрицанием идеологии прогрессизма: примат кооперации и сотрудничества над доминированием и конкуренцией; отказ от потребительства и расточительной роскоши в пользу разумного самоограничения и фактически возвращение к известному принципу русских нестяжателей «все, что лишнее – то не мое».

Творческое проявление и использование созидательных сил природы подразумевает, что проявить свой латентный эволюционный потенциал должен будет и сам человек. Об этом писал тот же С. Н. Булгаков: «...Расширяя жизнь в себе, человек изливает ее и вне себя, оживляет природу; пробуждая в себе дремлющие силы, он пробуждает их и в природе. Будучи одно с природой, человек может воскрешать в себе замерзшие и как бы умершие силы не иначе, как воскрешая и природу, превращая материю в свое тело ... согревая ее своим огнем» [1993. С. 169].

Можно привести два антропологических аргумента в пользу того, что человек, действительно, обладает «дремлющим» эволюционным потенциалом. Один аргумент, условно говоря, носит телесно-исторический, а второй – духовно-исторический характер; один свидетельствует о непроявленности этого потенциала; второй о том, что его можно успешно актуализировать. Так, физиология человека современного физического типа, включая структуру мозга, сложилась 50–40 тыс. лет назад и с той поры не претерпела существенных трансформаций. Но удивительным и до конца не объяснимым образом человек появился с огромным «эволюционным запасом», позволившим ему решать все более сложные задачи, а на определенной исторической ступени сформировать развитое логическое и образно-символическое мышление, создать письменность, искусство и науку. Резонно предположить, что наша физиология обладает потенциальной возможностью обеспечить функционирование таких познавательных способностей и качеств сознания, которые у подавляющего большинства современных людей развиты довольно слабо, типа различных видов творческой интуиции, синтетического мышления, глубинной рефлексии. Одновременно о том, что можно

намного опередить свое историческое время и добиться высочайшего уровня индивидуального сознания, говорят жизни великих ученых и деятелей искусства, типа Архимеда, Авиценны, Леонардо да Винчи, Николая Кузанского, Лейбница, Флоренского, Рериха. Удивительные духовные способности и антропологические характеристики демонстрируют также великие религиозные праведники и подвижники. Сравнительно-социологическое исследование П. А. Сорокиным более 4 500 биографий святых разных религий позволило установить, что фактом являются «необычная продолжительность жизни и кипучее здоровье святых. Несмотря на аскетический образ жизни, которому следовало большинство из них, антисанитарные условия и частые физические самоистязания, средняя продолжительность жизни святых, включая и 37 % тех, кто умер мученически, не своей смертью, оказывается намного большей, чем у их современников, и даже большей, чем у сегодняшних европейцев и американцев» [1992а. С. 204]. Это позволило П. А. Сорокину установить закономерность, имеющую важное эволюционное значение: «...Бескорыстная и мудрая... любовь является жизненной силой, необходимой для физического, умственного и нравственного здоровья; альтруисты в целом живут дольше эгоистов» [Там же. С. 205]. *Фактически в лице великих творцов и святых мы имеем очень разные, но оттого и особенно ценные для изучения, уже сбывшиеся в истории образцы творческого проявления своего эволюционного потенциала, делающие не только бессмысленными, но и вредоносными утопии о человеке-мутанте и человеке-киборге.* Понятно, что к подобным фактам нужно относиться научно, без всякой мистики и ложной религиозности, их необходимо проверять и искать рациональные причинные объяснения.

Заключение

Итак, в отличие от сомнительных прогрессистских проектов, «новый эволюционизм», нацеленный на актуализацию скрытого потенциала природы и человека, можно считать не только теоретически обоснованной, но и частично эмпирически подтвержденной концепцией. Единичные эволюционные примеры антропологической трансформации, как их являют жизни выдающихся творцов и подвижников, должны будут в будущем стать массовыми; а пастырская деятельность человека по «сохранению, расширению и воскрешению жизни», прообраз которой мы видим сегодня в «зеленой экономике», превратится в ведущую линию научно-технического прогресса.

Список литературы

Булгаков С. Н. Философия хозяйства // Булгаков С. Н. Соч.: В 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. С. 49–297.

Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2006. 449 с.

Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. С. 4–60.

Льюис К. С. Человек отменяется // Льюис К. С. Космическая трилогия. СПб.: Северо-Запад, 1993. С. 597–631.

Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография. Сыктывкар: Союз журналистов Коми ССР, 1992а. 304 с.

Сорокин П. А. Историческая необходимость // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992б. С. 513–521.

Столповский Ю. А. Ключевой вопрос в сохранении «культурного» биоразнообразия животных – сохранение породного многообразия // Изв. Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2007. № 5. С. 125–134.

Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 14–146.

Материал поступил в редколлегию 07.10.2018

A. V. Ivanov, S. M. Juravleva

*Altai State Agrarian University
98 Krasnoarmeyskii Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation*

philosophyasau@mail.ru

THE TEMPTATION BY NOVELTY

The article analyzes the phenomenon of progressivism existing at the level of mass consciousness and in the form of ideas and even ideologies. This phenomenon displays a number of characteristic features: the belief in the irreversibility and lack of alternatives to scientific-technological progress; an abeyance of tradition; the primacy of opinion over justification, of novelty and originality over the desire for truth; the pretentiousness of language. The article justifies the existence of an alternative paradigm

to progressivism, which can be called «new evolutionism». It is argued that «new evolutionism» is not just a set of well-founded ideas, but a partially verified social and personal practice.

Keywords: progressivism, scientific and technological progress, posthuman, transhumanism, evolutionary potential of nature and man, «new evolutionism».

References

Bulgakov S. N. *Filosofiya hozyaistva* [Philosophy of economy]. *Works*: In 2 vols. Moscow, Nauka, 1993, vol. 1, p. 47–297. (In Russ.)

Ivanov A. V., Fotieva I. V., Shishin M. Y. *Skrizhali metaistorii: tvortsy i stupeni duhovno-ecologicheskoi tsivilizatsii* [The Inscriptions of History: the Creators and the Steps of the Spiritual-Ecologic Civilization]. Barnaul, Altai State Technical Univ. Publ., 2006. (In Russ.)

Lorenz K. *Vosem smertnykh grehov tsivilizovannogo chelovechestva* [Eight Mortal Sins of Civilized Humanity]. Lorenz K. *Oborotnaya storona zerkala* [The Reverse Side of the Mirrow]. Moscow, Respublica Publ., 1998, p. 4–60. (In Russ.)

Lewes K. S. *Chelovek otmenayetsa* [Man is Abolished]. Lewes K. S. *Kosmicheskaya trilogiya* [Space Trilogy]. St. Petersburg, Severo-Zapad Publ., 1993, p. 597–631. (In Russ.)

Sorokin P. A. *Dalnaya doroga: Avtobiographia* [Distant Road: Autobiography]. Syktyvkar, Soyuz Journalistov Komi SSR Publ., 1992 a. (In Russ.)

Sorokin P. A. *Istoricheskaya neobhodimost* [Historical Necessity]. Sorokin P. A. *Chelovek. Tsivilisatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat, 1992b, p. 513–521. (In Russ.)

Stolpovsky Y. A. *Klyuchevoi vopros v sohranении «kulturnogo» biorasnoobrasiya zhivotnykh – sohranenie porodnogo mnogoobrasiya* [The Key Question of Preservation of Cultural Biodiversity of Animals – the Preservation of Stock Diversity]. *Izvestia Timiryazevskoi Selskohozyaistvennoi Akademii* [News of the Timiryazev Agricultural Academy], 2007, no. 5, p. 125–134. (In Russ.)

Frank S. L. *Duchovnye osnovy obshchestva* [The Spiritual Foundations of the Society]. Moscow, Respublica Publ., 1992, p.14–146. (In Russ.)